

Философский дискурс постмодерна как ризоматическое пространство

Проблематика дискурса — явление глубоко междисциплинарное и динамичное, подвергающееся постоянной переформулировке и переосмыслению в рамках гуманитарных и социальных наук (а порой и за их пределами). Можно сказать, что дискурс уже сам по себе ризоматичен, что выражается в легитимной множественности и неоднородности точек зрения на порождение, функционирование, восприятие и интерпретацию дискурса. Проиллюстрируем это на примере развития феномена дискурса в лингвистике.

Можно сказать, что в первое время своего существования (начиная с 50х гг) анализ дискурса был ориентирован исключительно на описание функционирования языка на трансфрастическом уровне. Речь шла о попытке применения к тексту теоретических принципов лингвистики в целях выявления правил производства текстов, как если бы выявлялись правила слово- и фразообразования. Особый интерес вызывала когерентность текста и влияние условий его производства на форму, которую принимают высказывания. Внимание было также сосредоточено на письменных текстах монологического типа, зачастую идеологически предопределенных. Именно этот контекст имеется в виду, когда говорят о грамматике текста [Т.А. van Dijk, 1999; G.Kleiber, 1986; J. Sinclair and M. Coulthard, 1975] и о типологии дискурса [J.-M. Adam, 1992; M.Pêcheux, 1990].

С другой стороны, принятие во внимание субъекта и его участия в языке породило лингвистику высказывания, позволившую поставить проблему соотношения языка и мира, знаков, предметов и субъектов, связанную с установлением условий правдоподобия (*vériconditionnalité, intention véridictoire*).

Рассматриваемый в этом аспекте дискурс характеризуется присутствием субъективности говорящего, что ставит его в оппозицию историческому повествованию, лишенному признаков субъекта [E.Benveniste, 1996],

так как именно субъект преобразует язык в дискурс. Лингвистика высказывания, таким образом, интересуется всеми элементами, позволяющими связать высказывание с говорящим в данный момент, равно как и способом, каким говорящий выводит на сцену (более или менее имплицитно) другие, отличные от своего, голоса в своем дискурсе [O.Ducrot, 1980, 1984].

В случае вербальных взаимодействий определяющее влияние на форму и содержание высказывания оказывает присутствие двух или нескольких человек. Некоторые лингвисты рассматривают подобные взаимодействия лишь как подкатегорию дискурса и их исследования остаются близки методам и обычным объектам проблематики анализа дискурса. Эти работы анализируют слова, которые служат для аргументации или указывают на взаимоотношения между собеседниками [J.-C. Anscombre, 1981; J.-C. Anscombre et O. Ducrot, 1983; J. Moeschler, 1989], либо пытаются прийти к выводам касательно глобальной структуры разговора в виде иерархических уровней [E. Roulet, 1985, 1991, 1999 и *Женевская школа*], ибо все еще опираются на теорию языковых актов [J. L. Austin, 1962; J.R. Searle, 1980]. Этот подход можно охарактеризовать как в целом дедуктивный и опирающийся на теорию о функционировании языка.

В США, однако, начиная с работ по этнометодологии [H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson, 1974] и этнографии коммуникации [D. Hymes, 1972] развивалось иное направление анализа, ориентированное исключительно на обычные вербальные взаимодействия повседневной жизни: это конверсационный анализ, характеризующийся своим узко эмпирическим и индуктивным подходом, опирающимся на анализ языка в реальных ситуациях [J.J. Gumpers, 1982; D. Tannen, 1984]. Акцент здесь ставится на взаимное влияние интерактантов [E. Goffman, 1973; C. Goodwin, 1981] и мультиканальный аспект коммуникации [S. Condon, 1966; K.R. Scherer, 1984]. Во Франции это течение представлено интеракционистским подходом [C. Kerbrat-Orecchioni, 1980, 1986, 1991], которое можно рассматривать как отличное от анализа дискурса в своей методологии и объектах.

Анализ дискурса, таким образом, по сути своей ризоматичен, являясь местом множественных противоречий. Он колеблется между изучением корпусов доктрин, с их последовательными сериями высказываний и рассеянными, разнородными языковыми практиками. В то время как сначала анализ дискурса изучал описание текстов, сейчас он ориентируется, прежде всего, на изучение устных практик. Если раньше

он нацеливался на интертекстуальность, на вертикальные процессы, пересекающие целостность дискурса, чтобы придать ему когерентность и плотность, концентрировался на анализе нити дискурса, горизонтальности дискурсивных последовательностей, то в данный момент анализ дискурса перемещается в пограничные области дискурса.

Однако подобные перемены были необходимы. Первоначально анализ дискурса слишком редуцировал поле дискурса, сводя его к типам отдельных корпусов. Но в настоящее время под термином «анализ дискурса» подразумевается развитие описаний *нити дискурса* (*fil du discours*), осуществляемых с формальной, интеракционистской, конверсационной или грамматической точек зрения, приписывающих артикуляцию текста или устной последовательности историческим условиям их производства. Другими словами, анализ дискурса «грамматикализировался» (*grammaticalisé*).

Итак, анализ дискурса находится в парадоксальной ситуации. Там, где прежде он отстаивал законность принятия во внимание дискурсивного функционирования, когда лингвистика занималась исключительно анализом системы языка, сейчас он практически отказался от своего объекта исследования из-за слишком широкого утверждения в лингвистике 80-х гг. термина «дискурс» и приумножения проблематики, представляющей дискурс как эмпирический объект. Причина в том, что эта проблематика порывает с примитивным толкованием термина «дискурс» 70-х гг. Сейчас анализ дискурса оперирует деконтекстуализацией дискурсов в формалистской перспективе, что возвращает к трактовке дискурса как примера языка; либо реализует частичную контекстуализацию дискурсивных последовательностей в рамках социолингвистики ситуаций и взаимодействий. Здесь можно процитировать Ж.-Ж. Куртин (J.-J. Courtine, 1991 : 161): «Существовал *анализ дискурса*, который хотел артикулировать историю и лингвистику. Сейчас существуют *анализы дискурсов*, оставившие в большинстве своем подобную цель».

Таким образом, анализ дискурса, пытавшийся несколько лет назад тематизировать дискурсивное как теоретический объект, кажется сегодня подходом, способным ухватить лишь пограничность. Он функционирует в точках междисциплинарных разрывов, создавая в этих дисциплинах имманентную и трансцендентную неоднозначность. Вдали от любой априорной полемики в отношении гуманитарных наук или лингвистики, анализ дискурса пытается разрушить вечное непонимание, делающее любой диалог неимоверно трудным.

Говоря о философском дискурсе постмодерна невозможно обойти молчанием сам концепт постмодерна, который во многом предопределяет как структуру, так и функционирование философского дискурса. Философский постмодерн — явление неоднозначное и на данный момент широко обсуждающееся в ряде гуманитарных наук. В статусе философской категории, фиксирующей ментальную специфику современной эпохи в целом, постмодерн (или постмодернизм) утверждается, начиная с 1979 года (после работы Лиотара «Постмодернистское состояние: доклад о знании» (*La condition postmoderne. Rapport sur le savoir*)). Среди многочисленных определений и оценок этого явления в последнее время начинает доминировать тенденция к предельно широкому его пониманию, где постмодерн рассматривается как эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько сознания.

Современная культура рефлексивно осмысливает себя как «постмодерн», т.е. как пост-современность, как процессуальность, которая разворачивается «после времени» — в ситуации «свер-шенности» и «завершенности» истории. Аналогично этому, современная философия конституирует себя не только как пост-современная (собственно, *post-moderne*), но и как постфилософия, что предполагает отказ от традиционных для философии проблемных полей, понятийно-категориального аппарата и классических семантико-аксиологических приоритетов.

Семантическая и категориальная пестрота постмодернистской философии во многом обусловлены радикальным отказом постмодерна от самой идеи возможности конституирования в сфере современного философствования концептуально-методологической матрицы, которая могла бы претендовать на парадигмальный статус, его программной установкой на идиографизм* и изначальной плюральностью проблемного поля, обнаруживающего к тому же постоянные интенции к своему расширению.

Применительно к постмодерну как феномену философской традиции можно утверждать, что, возникшая исходно как своего рода особая ситуация в развитии философского мышления, заключающаяся в сугубо негативном дистанцировании от сложившихся стратегий построения философского знания, к настоящему времени постмодерн может быть оценен как конституированный в пространстве философской рефлексии

---

* Парадигмальная установка культурной традиции на видение реальности в качестве неунифицированной и, соответственно, не подлежащей познанию посредством поиска общих закономерностей и осмыслению посредством общих понятий.

в качестве феномена, имеющего бесспорный парадигмальный статус, ибо постмодернистская программа философствования отвечает всем критериальным требованиям, предъявляемым к исследовательской парадигме, а именно:

1. вырабатывает собственную модель видения реальности, фундированную презумпциями ее атрибутивной хаотичности и изначальной семиотической (прежде всего — языковой) артикулированности («постмодернистская чувствительность» как установка на восприятие реальности в качестве хаотически фрагментированной и семиотизированной, вплоть до постулирования знаково артикулированного способа существования как единственно возможного;

2. формирует специфические идеалы и нормы описания и объяснения мира, рефлексивно осмысленные в постмодернистской нарратологии и заключающиеся в принципиальном и программном плюрализме, и идеалы и нормы организации знания, находящие свое выражение в программном когнитивном релятивизме (поворот от стратегии *altérité* к стратегии *mutualité*), основанном на концепции «заката больших нарратив».

Философский постмодерн не только обладает парадигмальным статусом, но и выполняет в современной культуре исконно присущие философии функции. Прежде всего, в философии постмодерна шлифуются понятийные средства, необходимые для адекватного описания втягивающихся в сферу познания современной культуры неравновесных самоорганизующихся систем (как в свое время шлифовались в философском языке понятийно-логические средства, необходимые для описания систем динамических, а потом — развивающихся). Конституирующийся в современной культуре новый, нелинейный, способ видения мира нуждается и в новом языке для своего выражения, однако на данный момент «новому опыту», по оценке М. Фуко, «еще только предстоит найти и язык, который будет для него тем же, чем была диалектика для противоречия».

Характерной чертой классических постмодернистских текстов является их мета-характер: труды ведущих постмодернистских авторов (т.е. тех, кого можно было бы отнести к «классикам» постмодерна, если бы не решительное отторжение постмодерном самой идеи исследовательской традиции как таковой) отличаются такой особенностью, как интенция к рефлексии, а именно — к экспликации и мета-теоретическому анализу собственных парадигмальных оснований. В этом отношении такие авторы, как Ж. Делез и Ф. Гаттари (а также многие другие) выступают одновременно как классиками, так и теоретиками постмодерна, выявляя

социокультурные основания и следствия постмодернистского видения мира.

Понятие «дискурс», в нашем представлении, прекрасно вписывается в триаду «традиция — модерн — постмодерн» (диалектически «тезис — антитезис — синтез»), воплотившуюся в лингвистике в триаду «язык — речь — дискурс». Таким образом, мы хотим постулировать синтез разных подходов в анализе философских текстов, исходя из третьего члена этой триады. В своем исследовании мы используем в качестве подхода синтез философии и лингвистики, в качестве материала анализа постмодернистский текст, предлагающий решение конфликта традиции и модерна, а в качестве метода анализа мы берем анализ дискурса, открывающий пространство философских текстов в динамическом аспекте. Таким образом, в действие вступает всегда третий член этой уникальной триады: диалектический синтез, по-разному воплотившийся в разных науках.

Однако этой же триадой (изначально вышедшей из философии) можно описать развитие самой философии и особенно специфику философского постмодерна. В XX веке эта триада была выражена З.Фрейдом в его формуле «сознательное — надсознательное — бессознательное», где философский постмодерн предстает как территория бессознательного, другими словами, философия постмодерна выражает принципы организации сферы бессознательного.

Этот тезис объясняет глубокий смысл философии постмодерна, который может показаться бессмысленным только при поверхностном рассмотрении, либо с точки зрения логического и рационального сознания, но если ее рассматривать как отражение пространства бессознательного, можно заметить ее собственную логику и смысл.

Согласно Ж.Бодрийару, бессознательное — это онтологический первообраз постмодернистской философии. Среди специфических черт бессознательного обычно называют асистематичность, иррациональность, свободу комбинации знаков, несвязность с пространством и временем, динамичность, континуальность, образность, иконичность, возможность творческого инсайта. Можно отметить, что при выявлении основных принципов постмодернистской философии мы столкнемся со сходными чертами, которые постмодернистская философия содержит в своей основе.

К их числу относится ряд положений, тесно связанных между собой и частично пересекающихся. Ряд таких характеристик отражает ее принципиальную асистематичность, среди которых можно выделить,

например, эклектизм, означающий фрагментарность любого постмодернистского повествования. Другим, весьма связанным с первым, принципом постмодернистской философии является принцип «нонселекции», означающий отсутствие какого-либо принципа отбора фрагментов создаваемого текста. Важным принципом построения постмодернистского текста является также коллаж, предполагающий отсутствие субстанционального единства повествования и порядка изложения.

Среди характеристик постмодернистской философии следует назвать также принцип интертекстуальности, состоящий в утверждении, что каждый отдельный текст всегда существует как интертекст, включающий в себя на различных уровнях все остальные тексты. Ему практически тождественен принцип эхокамеры, согласно которому каждый текст является в определенной степени отражением и отзвуком всех других текстов. Важной характеристикой постмодернистского дискурса служит принцип цитатности, представляющий собой возможность конструировать текст на основе цитат, взятых из других произведений, а также принцип мультиперспективизма, означающий равноценность различных точек зрения на какой-либо предмет.

Здесь нам хотелось бы подробнее остановиться на постмодернистской концепции интертекстуальности, которая восходит к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения.

В постмодернистской системе отсчета взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования. Таким образом, каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Смысл возникает именно и только как результат связывания между собой этих семантических векторов, выводящих его в широкий культурный контекст, который и выступает по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда. Это дает основание для оценки постмодернистского стиля мышления как цитатного мышления.

Феномен цитирования становится основополагающим для постмодернистской трактовки текстуальности. Речь идет, однако, не о непосредственном соединении в общем контексте сколов предшествующих

текстов. Требуется, чтобы отдельные слова-единицы не звучали подобно словесным обрывкам, но наглядно представляли логику и специфические возможности того или иного используемого языка. Только тогда выполняется постмодернистский критерий многоязычия.

Базовым понятием постмодернистской концепции интертекстуальности выступает понятие *палимпсеста*, переосмысленное Ж.Женеттом [G. Genette, 1982] в расширительном плане: текст, понятый как палимпсест, интерпретируется как пишущийся поверх иных текстов, неизбежно проступающих сквозь его семантику. Письмо принципиально невозможно вне наслаивающихся интертекстуальных семантик, — понятие «чистого листа» теряет свой смысл. Реально носитель культуры всегда имеет дело с неразборчивыми, полустертыми, много раз «переписанными пергаменами», если использовать выражение М.Фуко. В рамках постмодернизма сама идея текстуальности мыслится как неотделимая от интертекстуальности и основанная на ней, — текст, собственно, и есть не что иное, как «ансамбль суперпозиций других текстов».

Можно увидеть, что перечисленные постулаты постмодернизма являются отражением характеристик области бессознательного, важнейшей из которых, в данном случае, представляется свобода комбинации знаков. Принцип нонселекции, например, обозначает абсолютную свободу сочетания фрагментов повествования, в то время как эклектизм обосновывает такую свободу комбинаций. Со свободой сочетания фрагментов также связаны принцип цитатности и принцип мультиперспективизма, означающий свободу выбора точки зрения на пульсирующую и постоянно становящуюся реальность бессознательного. Такое свойство бессознательного, как континуальность, означающее его существование в виде континуума всех возможных состояний, и несводимость ни к одному из них может рассматриваться как основа постмодернистских принципов интертекстуальности и эхокамеры.

Другие важнейшие принципы философии постмодерна отражают уже не хаотичность и эклектичность построений данной философии, но их предельно обезличенный характер. Среди таких принципов прежде всего следует назвать постулат «смерть автора», согласно которому автор текста трактуется не как конкретное лицо, а как некое пространство, через которое в данный текст может проецироваться богатство культуры. Другим постулатом данного типа является принцип «смерть субъекта», согласно которому не только автор, но и читатель утрачивают свои привычные характеристики реально существующих лиц. Вместо этого они

рассматриваются как бесконечные поля мышления или же как элементы культурной ткани.

Перечисленные принципы постмодернистской философии связаны, по нашему мнению, с таким важным принципом организации сферы бессознательного, как его нейтральность по отношению к субъектно-объектной оппозиции и с отсутствием четких образов субъекта и объекта, они обусловлены безличной природой бессознательного. Во многом созвучны этим рассуждениям мысли Ж.Бодрийяра, который также объясняет данные принципы философии постмодернизма («смерть автора» и др.) через теорию бессознательного. Говоря об идее бессознательного, Ж.Бодрийяр утверждает, что на место позитивных объекта и субъекта сознания она ставит необратимо утраченный объект и вечно ускользающего от себя самого субъекта.

Таким образом, можно увидеть, что философия постмодернизма является теоретическим отражением области бессознательного и что ее основные характеристики определяются принципами организации данной сферы.

Эти связи между бессознательным и философией постмодерна объясняют метафоры Ж. Делеза и Ф. Гаттари, среди которых одной из наиболее важных является метафора ризомы, соединяющей в себе два ряда представлений, связанных с архетипической основой психики. С одной стороны, образ ризомы связан с образом мирового дерева, где она обозначает корни, а с другой — эта метафора восходит к мифологическому образу лабиринта. Эти образы сами по себе вызывают множество ассоциаций. Другими словами, ризома, связанная с образами дерева и лабиринта (который уже сам по себе обозначает сферу бессознательного), может быть рассмотрена как прообраз философского дискурса постмодерна во всей своей полноте, включающего противоречивые и «ускользающие» тексты.

Таким образом, поле философского дискурса представляет собой ризому Делеза и Гаттари, где нет ни центра ни периферии, где все возможно, так как нет фиксированных законов. Этот образ объясняет существование противоречивых прочтений и интерпретаций, «ускользающих линий», иногда взаимоисключающих, так как здесь можно использовать как классическую, так и негативную диалектику, одно- и многоаспектные подходы. Эта философская ризома собирает в себе дискурсы, культуры и сообщества, всё, что субъект производит с и для других, пространства разрывов, постоянно ускользающее присутствие, достаточно иллюзорные

реальности, неуловимо хрупкие интерсубъективности. Именно в этом причина «конфликта интерпретаций», если взять выражение П. Рикера, в поле философского дискурса. Это также причина полемического характера взаимодействия дискурсов в рамках философского дискурса Ж. Делеза и Ф. Гаттари, как философского дискурса постмодерна.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Adam J.-M. Les Textes : types et prototypes, Paris, Nathan, 1992.
2. Anscombre J.-C. L'Argumentation, Presses Universitaires de Lyon, 1981.
3. Anscombre J.-C., Ducrot O. L'Argumentation dans la langue, Linde, Mardaga, 1983.
4. Austin J. L. How to Do Things with Words, Oxford : Clarendon Press, 1962.
5. Benveniste E. «De La Subjectivité dans le langage», in Problèmes de linguistique générale, t. I, Paris, Gallimard, 1996, pp. 258-266.
6. Condon S. et Ogston D. «Sound film analysis of normal and pathological behavior patterns», Journal of Nervous and Mental Disease, n° 143, 1966, pp. 338-347.
7. Courtine J.-J. «Le Discours introuvable : marxisme et linguistique», in Histoire, Epistémologie, Langage, 13, n° 2, 1991, pp. 153 — 171.
8. Deleuze G., Guattari F. «Rhizome» in Mille plateaux, Paris, Minuit, 1980.
9. van Dijk T. A. (ed.), Discourse: A Multidisciplinary Perspective, London : Sage, 1999.
10. Ducrot O. (1972) Dire et ne pas dire, principes de sémantiques linguistique, Paris, Hermann; 2e édition, revue et augmentée, 1980.
11. Ducrot O. Le dire et le dit, Paris, Minuit, 1984.
12. Genette, G. Palimpsestes, 1982, Paris, Seuil, 1982.
13. Goffman E. La mise en scène de la vie quotidienne. 1. La présentation de soi, Paris, Minuit, 1973.
14. Goodwin C. Conversational Organization, New York : Academy Press, 1981.
15. Gumperz J. J. Discourse Strategies, Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
16. Hymes D. «Models of the interaction of language and social life», in Gumpers J.J. and Hymes D. (eds.), Directions in Sociolinguistics, New York : Holt, Reinhart and Winston, 1972, pp. 35-7.

17. Kerbrat-Orecchioni C. L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage, A. Colin, 1980.
18. Kerbrat-Orecchioni C. L'Implicite, A. Colin, 1986.
19. Kerbrat-Orecchioni C. «Hétérogénéité énonciative et conversation», in *Le Sens et ses hétérogénéités*, Paris, éditions du CNRS, 1991, pp. 121-138.
20. Kleiber G. «Adjectif démonstratif et article défini en anaphore fidèle», in *Recherches Linguistiques XI* («Déterminants : syntaxe et sémantique»), Centre d'analyse syntaxique de l'Université de Metz, 1986.
21. Moeschler J. «Marques linguistiques, interprétation, pragmatique et conversion», in *Cahiers de linguistique française*, n° 10, «En deçà et au-delà de l'analyse du discours », Genève, 1989, pp.43-76.
22. Pêcheux M. L'Inquiétude du discours, Paris, Edition des Cendres, 1990.
23. Roulet E. «Le Modèle genevois d'analyse du discours : évolution et perspectives», in *Pragmatics*, n° 1, 1991, pp. 243-248.
24. Roulet E. La Description de l'organisation du discours, Paris, Didier, 1999.
25. Roulet E. et alii, L'Articulation du discours en français contemporaine, Berne, Peter Lang, 1985.
26. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. «A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation», in *Language*, n° 50, 1974, pp. 696-735.
27. Scherer K.R. «Les Emotions : fonctions et composantes», *Cahiers de psychologie cognitive*, n° 4, 1984, pp. 9-39 (repris in Rimé B. et Scherer K. (éds): *Les Émotions*, Neuchâtel/Paris, Delachaux & Niestlé, 1993, pp. 97-133).
28. Searle J.R. et alii. eds. *Speech Act Theory and Pragmatics*, Ed. by Searle J. R., Kiefer F., Bierwisch M., D. etc., Reidel, 1980.
29. Sinclair J. and Coulthard M. *Towards an Analysis of Discourse*, London : Oxford, 1975.
30. Tannen D. *Conversational Style. Analysing Talk among Friends*, Norwood (New Jersey), Ablex, 1984.